

**«ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ» КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ
ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.***

В статье рассматриваются возможности использования в конкретно-исторических работах по истории России методологии современной «истории понятий». На основе интеграции основных положений немецкой и англосаксонской школы «истории понятий», автором предложены принципы и методы исследования различных аспектов модернизации в России первой четверти XIX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история понятий; методология истории; история общественной мысли; Р. Козеллек; К. Скиннер; история России.

Важной составляющей процесса модернизации являются изменения в общественном сознании, которые определяют направленность развития социума и одновременно отражают эволюцию в представлениях и поведении людей прошлого. Разнообразные отношения, связанные с экономической деятельностью, характером взаимодействий между социальными стратами, особенностями политического развития и культурного ландшафта — все эти составляющие процесса модернизации оказывают непосредственное влияние на общественное сознание и вербализуются в текстах исторических источников различной видовой принадлежности. Именно поэтому исследование масштабных общественных изменений невозможно без понимания того, каким образом происходило их осмысление на уровне языковой практики. Для историка принципиально важно знать, что подразумевали авторы источника, употребляя то или иное понятие, какие дополнительные коннотации оно получало при использовании в различных контекстах, каким образом происходила корректировка содержания как уже известных ранее, так и заимствованных из «чужой» культурной среды понятий. Это позволит, с одной стороны, избежать «осовременивания» языка прошлого и уйти от некорректного использования понятий, возникших в более поздний хронологический период, а с другой — объяснить, почему одни и те же понятия могли использоваться для выражения различных, нередко диаметрально противоположных друг другу, позиций и обоснования разнонаправленных практических действий. Все вышесказанное обуславливает необходимость обращения к методологическим установкам современной «истории понятий».

На сегодняшний день в современной зарубежной историографии «истории понятий» сложилось два основных направления: немецкая школа *Begriffsgeschichte* и англосаксонская *History of Concepts*¹. Идейные основы первого направления

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.»

¹ См. подробнее о методологических установках, сходствах и отличиях *Begriffsgeschichte* и *History of Concepts*: [Копосов; Рошин; Дубина; Бёдекер, 2010а; Миллер, Сдвижков, Ширле].

были сформулированы в ряде теоретических работ Р. Козеллека [Козеллек, 2004а; 2004б; 2006; 2010], который совместно с О. Брунером и В. Конце был одним из руководителей проекта по написанию «Исторического лексикона социально-политического языка в Германии» [Geschichtliche Grundbegriffe...], объединившего усилия нескольких десятков немецких историков. Большое влияние на становление второго направления оказала предложенная Дж. Л. Остином и Дж. Серлем теория языковых актов (Speech Act), в соответствии с которой языковая активность людей рассматривалась в непосредственной связи с их действиями [см.: Остин; Хархордин]. Наиболее последовательно такой подход к изучению истории политической мысли представлен в работах Дж. Покока и К. Скиннера [Росок; Скиннер, 2002; 2006].

Применение в исследованиях по истории российской модернизации методологических оснований «истории понятий» предполагает решение ряда принципиально важных вопросов: 1) каким образом можно разграничить в тексте исторического источника слова и понятия; 2) какие критерии следует использовать для отбора ключевых социально-политических понятий, с помощью которых можно выявить происходившие в общественном сознании изменения; 3) каким образом возможно проследить процесс корректировки заимствованных понятий, их адаптации к условиям новой социокультурной среды распространения, и какие тексты при этом следует использовать в качестве источников.

Поскольку перед историком стоит задача изучения не истории отдельных слов, а реконструкции мировосприятия людей, их представлений и оценок, важно различать слова и понятия. Принципиальное отличие понятия от слова выражается в его теоретической, концептуальной «нагруженности». С помощью понятий индивиды обозначают не конкретные объекты, а выражают свои представления о прошлом и настоящем окружающей их социальной реальности, а также перспективах общественного развития. Как правило, такие понятия абстрактны и не имеют одного, раз и навсегда определенного значения, что позволяет использовать их в идеологических дискуссиях и построениях теоретических моделей общественного устройства [Бёдекер, 2010б, с. 42]. При этом все они, одновременно существуя в общественном сознании, взаимосвязаны и могут использоваться для выражения противоположных по своей идейной направленности позиций. Именно наличие взаимосвязей между понятиями, по мысли Р. Козеллека, неизбежно приводит исследователя к констатации того, что «...писать историю отдельных, изолированных понятий весьма сложно и даже невозможно» [Козеллек, 2010, с. 21, 26]. Следовательно, важнейшим принципом применения методологии «истории понятий» должен быть принцип системности, базирующийся на признании существования логических и ассоциативных взаимосвязей между ключевыми социально-политическими понятиями. Реализация этого принципа предполагает выработку критериев, в соответствии с которыми происходит формирование комплекса исследуемых понятий.

В рамках конкретно-исторического исследования таким критерием может стать включенность понятия в процесс обсуждения различных вариантов решения актуальных для людей изучаемого времени проблем. Такой подход позволит интегрировать «историю понятий» в контекст эпохи, выявляя изменения их

значений с учетом особенностей экономического, социокультурного и политического развития общества в определенный период времени.

В исследовании по истории модернизационных процессов в России первой четверти XIX в. изучение различных значений, позитивных и негативных контекстов употребления понятий предполагает сопоставление наиболее актуальных социально-экономических и политических проблем, которые активно обсуждались на страницах российских газет, журналов и учебных пособий, становились предметом рассмотрения в официальной переписке, проектах преобразований и действовавшем законодательстве. При таком подходе многообразие значений и смысловых акцентов употребления исследуемых понятий обуславливает необходимость применения сравнительно-контекстуального метода. Данный метод, помимо сопоставления экономического, социально-политического и религиозно-культурного контекстов, предполагает: 1) выявление функционального назначения обозначаемого с помощью понятия явления или процесса; 2) определение позитивных и негативных контекстов употребления; 3) выявление необходимых, с позиции авторов источника, условий для реализации позитивных ожиданий или предотвращения негативных последствий.

В обобщенном виде, в конце XVIII — первой четверти XIX в. можно выделить три проблемных поля: проблема ускорения темпов развития и повышения конкурентоспособности российской экономики; проблема смягчения / отмены крепостного права; проблема повышения эффективности системы государственного управления. Основными понятиями, с помощью которых происходило осмысление указанных проблем, были понятия «свобода», «закон», «собственность», «государство», «гражданин», «гражданские права», «конституция», «просвещение» и «революция». Все они были тесно взаимосвязаны, имели как позитивные, так и негативные коннотации, и одновременно употреблялись в экономическом, политическом, социальном и морально-этическом контекстах.

Так, например, центральными понятиями, которые использовались образованными российскими подданными в рамках обсуждения *проблемы ускорения темпов развития и повышения конкурентоспособности российской экономики*, были понятия «свобода», «собственность» и «государство». В начале XIX в., благодаря знакомству российского общества с произведениями А. Смита, И. Бентама, А. Фергюсона, Ж.-Б. Сэя, Ж.-С. Сисмонди, произошло дополнение распространенного ранее представления о «свободе» как категории морально-нравственной и религиозно-философской («внутренняя свобода», «духовная свобода», «совершенная свобода») новыми коннотациями [см. подробнее: Тимофеев, с. 104–116]. С этого времени «свобода» рассматривалась как фактор социально-экономического и политического развития общества.

Отправной точкой в размышлениях о функциональном назначении «*собственности*» для экономического развития общества было утверждение о ее «естественном» происхождении: у всех народов она была основой для «усовершенствования семейственного состояния», становления законодательства и формирования государства [см., например: Известие о нынешнем состоянии республики Рагузы..., с. 59; Первые начала естественного права..., с. 39–41; О торговле древних и новых народов, с. 264; Бутовский, с. 3; О дипломатии, с. 196].

В различных проектах и записках по вопросам оздоровления финансовой системы России можно было встретить рассуждения о том, что без учета интересов собственника любые попытки государства, направленные на интенсификацию российской экономики, будут безрезультатными. Н. С. Мордвинов в «особом мнении», составленном по итогам работы департамента государственной экономики Государственного совета, писал: «...доколе не будут сняты казенные налоги на капиталах лежащие, не будет уважена собственность городских жителей и дома их освобождены от постоев... до тех пор все другие финансовые меры оставаться будут малоутешительными, и казначейство государственное не достигнет цветущего состояния» [РГИА, ф. 1166, оп. 1, т. XVI, д. 2, л. 20].

На уровне теоретических размышлений о факторах развития экономики понятия «свобода» и «собственность» имели позитивные, ориентированные на зарубежный опыт коннотации. Однако представленные в многочисленных публикациях теоретические обоснования «благотворного влияния» «свободы» и «собственности» актуализировали постановку вопроса о роли государства и наиболее эффективных методах управления российской экономикой. Такой переход от теории к практике нередко сопровождался высказываниями о пагубности «безграничной свободы» и возможности ограничения прав собственника во имя «общего блага» и «государственной пользы».

Теоретически признаваемая «свобода» не предполагала самоустранение «государства» из сферы экономики. Напротив, именно оно должно было определить уровень развития различных отраслей экономики и установить соответствующие этому уровню границы «свободы» экономической деятельности граждан. Аргументируя справедливость данного утверждения, российские авторы нередко обращались к историческому опыту управления отечественной экономикой. Как правило, все они, отдавая «должное почтение мудрости монархов», отмечали, что в XVIII в., в силу неподготовленности российской экономики к введению «неограниченной свободы», отдельные решения правительства оказывались несвоевременными. Так, например, в статье «Взгляд на состояние мануфактур в России...» утверждалось, что в 1770–1780 гг. экономический курс правительства имел неоднозначные результаты: произошло резкое увеличение количества небольших фабрик и заводов, многие из которых оказались неконкурентоспособными. Причина такого положения, по мысли автора, — неподготовленность российского общества к «неограниченной свободе» экономических отношений [Взгляд на состояние мануфактур в России..., с. 197–198]. Аналогичные опасения высказывалась и по вопросу о «свободе торговли». Например, в статье «Выгоды свободной торговли» от имени издателя сообщалось, что он, как и многие присылавшие письма в редакцию «люди всяких состояний», признает важность «свободы торговли», но при этом «...не желает полной и безусловной свободы торговли, которая в существе своем есть точно такая же химера, как и полная свобода политическая и гражданская» [Выгоды свободной торговли].

Не менее противоречивой в текстах российских авторов первой четверти XIX в. была трактовка понятия «собственность». Законодательное закрепление принципа неприкосновенности частной собственности оставалось в качестве желанной цели на протяжении всего исследуемого периода, что отражено

как в многочисленных высказываниях представителей правительственных кругов, так и в программных документах различных «вольных» и «тайных» обществ. В наиболее отчетливой форме близость позиций по вопросу о собственности проявляется при сравнительном анализе «Записки неизвестного члена Государственного Совета о задачах Государственного Совета» (1806) и программных документов декабристов. В первом источнике автор, обозначая главные направления деятельности Совета, писал: «Во-первых, требуется, чтоб каждый гражданин обеспечен был в своем состоянии имуществом, которое бы видел он так твердо и неколебимо себе принадлежащим, что собственность его ни временным налогом подвержена, ниже кем-либо и никогда нарушаема быть не может» [РГИА, ф. 1167, оп. 1, т. XVI, 1826, д. 18/14, л. 16]. Одновременно он предлагал членам Государственного Совета выработать правило, в соответствии с которым правительство не могло бы под предлогом нехватки денежных средств «ущемлять» интересы собственников [Там же, л. 18–19]. В «Русской правде» П. И. Пестеля стремление зафиксировать право российских «граждан» на обладание «собственностью» выражено не менее отчетливо: «Право собственности или обладания есть священное и неприкосновенное, долженствующее на самых твердых... основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый гражданин в полной мере уверен был в том, что никакое самовластие не может лишить его ниже малейшей части его имущества» [Пестель, с. 171]. Аналогичное положение предполагал включить в текст будущей российской конституции и Н. Муравьев [Конституционный проект..., с. 306].

При этом практически во всех конституционных проектах того времени, а также в учебных пособиях для гимназий и университетов утверждалось, что «государство», в случае возникновения общественной необходимости, должно обладать правом изъятия собственности граждан с последующей материальной компенсацией стоимости утраченного имущества. Так, например, в изданной комиссией составления законов книге «Основания российского права» принцип возмещения потерь собственникам был сформулирован так: «Если Государственная нужда или польза требует отчуждения частной собственности на общественное употребление, тогда чинится за оную хозяину удовлетворение» [Основания российского права..., с. 30]. В такой трактовке речь шла не о конфискации, которая признавалась допустимой мерой только в отношении имущества лиц, совершивших особо тяжкие преступления (в случае, если они не имели ближайших родственников), а лишь о «принужденной продаже» имущества государству. Справедливая компенсация потерь в денежной форме рассматривалась как способ сохранения «собственности» гражданина, позволявший ему приобрести новое имущество, не препятствуя «государству» выполнять свои функции по обеспечению обороноспособности страны, строительству дорог, крепостей, мостов и других объектов инфраструктуры.

Таким образом, сравнительно-контекстуальный анализ использования в рамках экономического дискурса понятий «свобода», «собственность» и «государство» позволяет сформулировать особенности процесса адаптации в России первой четверти XIX в. европейских принципов свободы экономической деятельности и неприкосновенности частной собственности. С одной стороны,

в полном соответствии с теоретическими постулатами либеральных европейских мыслителей, «свобода» и «собственность» признавались важнейшими факторами, способствующими достижению так называемого «общего блага». С другой стороны, «свобода» рассматривалась в качестве действенного инструмента в руках правительства, а не как основополагающий принцип, которым должен был бы руководствоваться в своей повседневной деятельности российский купец, мелкий торговец или владелец фабрики, завода, ремесленной мастерской и т. п. Такой инструменталистский подход означал, что расширение объема «свободы» граждан в сфере экономики следует ожидать от неустанно заботящегося об «общественном процветании» государства. В противном случае, по мнению современников, «безграничная свобода» и противопоставление интересов отдельного собственника интересам общества в целом могут привести к негативным последствиям. Очевидно, что подобного рода двойственность в сознании оказывала влияние на характер принимаемых правительством решений и практические действия граждан и в конечном итоге определяла характер и особенности российской модернизации.

Еще одна грань модернизационных изменений, при изучении которой целесообразно использовать методологические основания истории понятий — *процесс межкультурного взаимодействия и заимствования «чужого опыта»*. Как правило, такое взаимодействие сопровождается адаптацией заимствованных извне теорий, концепций или идеологий, а следовательно, и ключевых социально-политических понятий, с помощью которых происходило осмысление возможностей использования «чужого опыта».

Проникновение и распространение понятий, как правило, происходило одновременно по нескольким информационным каналам: общение с иностранцами в ходе заграничных поездок с различными, в том числе и образовательными, целями; чтение иностранной литературы на языке оригинала; переводы произведений известных зарубежных авторов, опубликованные как на страницах газет и журналов, так и отдельными книгами. В результате заимствования оригинальное значение понятия могло оставаться неизменным либо дополнялось новыми смысловыми акцентами, возникшими в процессе перевода с одного языка на другой.

В последней трети XVIII — первой четверти XIX в. при переводе произведений европейских авторов нередко возникала необходимость адекватной замены иностранных понятий, не имевших аналогов в русском языке или запрещенных цензурными правилами. Наиболее отчетливо это заметно при сравнительно-контекстуальном анализе заимствованных из европейского социально-политического лексикона понятий «революция» и «конституция».

Понятие «революция» первоначально имело политически нейтральное значение и до второй половины XVII в. использовалось для описания астрономического феномена кругового вращения светил вокруг Земли и было тождественно словам «вращение», «оборот», «перемена» [Магун, с. 59]. Окончательное закрепление политического значения понятия «революция» в Европе произошло во второй половине XVIII в. С этого времени оно обозначало не столько астрономические, сколько социально-политические изменения.

В России 1760–1770 гг. понятие «революция» первоначально переводилось как «перемена» или «изменение». Возможно, следуя этой традиции, В. Крамаренков при переводе в 1775 г. сочинения Монтескье «О духе законов», вместо *revolutions* использовал слово *перемена* [Плавинская, с. 284]. После событий 1789 г. понятие «революция» употреблялось для обозначения безусловно значимых и резких изменений, имевших, как правило, разрушительные последствия. Именно эти признаки революции были зафиксированы, например, в толковом словаре Н. Яновского: «Революция — внезапная перемена в правлении какого народа, произведенная сильным потрясением всего общественного тела для установления другого порядка вещей» [Яновский, ч. 3, стб. 516]. Для образованного российского подданного было очевидным, что такие изменения сопровождаются открытым взаимным противостоянием граждан одного общества в борьбе за достижение различных политических целей. Наличие противоборствующих сторон позволяло делать предположения, что результаты «революции» не конечны, а ее «достижения» могут быть сведены к минимуму или даже уничтожены ее противниками в исторически обозримом будущем. В данном контексте показательным, что для обозначения движения политического процесса в противоположном «революции» направлении существовал специальный термин — «контр-революция» [Там же].

В России первой четверти XIX в. негативные последствия революции признавали даже радикально настроенные члены тайных обществ. Именно поэтому они стремились дистанцироваться от образа «кровавой французской революции» и подчеркивали прогрессивный характер предлагаемых социально-политических преобразований. Следуя этой установке, П. И. Пестель, например, заменял понятие «революция» близкими по значению словами *превращение*, *преобразование* или *переворот* [см. подробнее: Одесский, с. 496–499]. Отчасти, такая подмена понятия соответствовала распространенной в XVIII в. практике перевода *révolution* как «преобразования» или «перемены» [см.: Виноградов, с. 449]. Однако, если ранее переводчик В. Крамаренков ориентировался на официальные установки цензуры, то в текстах, написанных членами тайных обществ, использование подобного рода синонимов предпринималось в целях нейтрализации негативного контекста понятия «революция» и формирования положительного отношения современников к будущим политическим преобразованиям.

Сторонники кардинальных преобразований подчеркивали, что российская революция должна иметь принципиально важное отличие от европейских: в процессе ее осуществления все происходящее в стране должно было быть подконтрольно новому правительству. Именно поэтому в ходе «революции» предполагалось не полное разрушение прежней системы управления, а разумное сочетание ранее существовавших структур с новыми, что позволило бы избежать массовых народных волнений и в течение нескольких лет сформировать эффективную систему государственного управления. С этой целью к работе в новом правительстве могли быть привлечены известные своими либеральными взглядами и опытом управленческой работы представители прежней администрации. В данном контексте вполне логичным представляется намерение декабристов пригласить во временное революционное правительство Н. С. Мордвинова

и М. М. Сперанского [см. подробнее: Семенова]. Таким образом, российская «революция» не только не предполагала разрушение государства, напротив, считалось, что для сближения идеала с реальностью после ее завершения необходимо существование сильного государства, способного сохранить социальный мир, гарантировать гражданам личную свободу и безопасность, обеспечить неприкосновенность частной собственности и реализацию принципа верховенства закона.

Аналогичный вариант смещения смысловых акцентов в процессе адаптации заимствованных извне понятий прослеживается и применительно к понятию «конституция». В английской языковой практике понятие «конституция» появляется в начале XVII в. в значении «сложение», «состав», «соединение», «строение тела» [Магун, с. 59]. Применительно к сфере политики понятие «конституция» употреблялось лишь как своеобразная метафора, подчеркивавшая взаимосвязь всех органов государственного управления или сфер жизни общества. Однако уже с середины XVII в. оно приобретает более отчетливое политическое звучание. Катализатором этого процесса было появление в Англии различных тайных обществ и клубов, которые в качестве устава или программы составляли свои так называемые «конституции» [Джейкоб, с. 276–277]. Постепенно, по мере распространения масонских организаций в различных странах Европы, «конституция» становится синонимом слов *устав*, *свод внутренних правил* [Артемьева, Бажанов, Микешин, с. 24]. Одновременно с этим понятие «конституция» употреблялось не только для обозначения организационной структуры и правил поведения внутри какого-либо «общества», но и в более широком социально-политическом контексте — как общее наименование исторически сложившегося комплекса обычаев и законов, признаваемых всеми жителями страны.

Основными каналами трансляции значения понятия «конституция» в России на рубеже XVIII–XIX вв. были как изданные на языке оригинала, так и переведенные на русский язык произведения английских и французских мыслителей, рассказы очевидцев о событиях Великой Французской революции, деятельность масонских организаций в России, а также публикация на страницах периодической печати конституционных актов ряда европейских государств.

Все указанные выше европейские значения понятия «конституция» в конце XVIII — первой четверти XIX в. были хорошо известны в России. В концентрированном виде они были представлены в «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского. Автор, объясняя современникам, что следует понимать под словом «конституция», отметил три основных значения: «1) составление, природа, сложение тела человеческого; 2) учреждение, устав, собрание коренных законов гражданских или духовных, всеобщих или частных, составляющих правление какого-либо народа; 3) постановление (или Государя, что будет значить Указ, или Гетмана, что называли манифестом, или Сейма, что кроме конституции другого имени не имело), имеющее силу закона, или недостающего в книге Статут, или недоразумение объясняющее» [Яновский, ч. 2, стб. 366–367].

В общем виде процесс культурной адаптации конституционных идей в России первой четверти XIX в. сформировал двойственное, внутренне противоречивое отношение к «конституции». В проектах политических преобразований и в материалах периодической печати отчетливо прослеживается тезис о невозможности

существования универсальной для всех стран и народов «конституции». Определенное сходство было допустимо лишь во внутренней структуре «конституции», но содержание конкретных юридических норм в разных странах могло и должно было существенно отличаться. В данном контексте показательно, что синонимом понятия «конституция» был «коренной закон», «устав». Тождественность внутренней структуры предполагаемого «коренного закона» с «конституцией» была зафиксирована, например, в учебном пособии В. Г. Кукольника: «Коренные законы, заключающие в себе состав или книгу, утвержденную и обнародованную верховной законодательной властью, называется *Конституциею* народа, или государства» [Кукольник, с. 8]. Содержательно «коренные законы», по мнению автора, должны определять «...отношения Граждан к верховной Власти и сей последней к гражданам», а также «...образ мер и средств правления Государства, распределение политического состояния государственных сословий, означение представленных им преимуществ, политических прав и обязанностей к Государству, равно как и к Верховной власти...» [Кукольник, с. 7–8].

Своеобразным отражением синонимичности «конституции» и «коренного закона» было то, что при переводе на русский язык текстов европейских конституций в тексте документа понятие «конституция» могло употребляться неоднократно, а в заголовке оно заменялось словосочетаниями «Государственный устав», «Государственное уложение» и т. п. [см., например: Государственный устав Испанской Монархии; Взгляд на республику Соединенных Американских областей; Государственное уложение Баварского королевства; Государственное уложение Великого герцогства Баденского]. Аналогичный прием использовали и авторы российских конституционных проектов: в названии проектов они намеренно не использовали понятие «конституция», а заменяли его словосочетаниями «Государственная уставная грамота», «Уложение государственных законов», «Государственный закон», «Государственный завет» или даже «Русская правда», которая, хотя и предполагала кардинальные преобразования, но на уровне ассоциативных связей апеллировала к одноименному памятнику древнерусского права. Таким образом подчеркивалось, что содержание российской «конституции» должно было стать результатом органического синтеза собственного исторического опыта и современных способов управления государством в развитых странах Европы.

В большинстве текстов, авторы которых размышляли о назначении конституции, подчеркивалось, что ее «установление» не предполагало однозначного и существенного ограничения самодержавной власти в России. В идеале конституция должна была законодательно зафиксировать права и обязанности граждан, «укрепить силу закона», предотвратить произвол чиновников местной и центральной администрации, а также обеспечить императору возможность своевременно реагировать на изменения «общественного мнения». Формирование такого механизма представлялось возможным либо посредством реформирования уже существовавших структур, либо путем создания новых, но не абсолютно тождественных выборным органам сословного представительства в Европе, а таких, которые соответствовали бы современным принципам управления и одновременно учитывали особенности сословной и культурной

дифференциации российского общества. В данном контексте первостепенное значение приобретало не юридическое описание пределов власти монарха, а проблема определения «степени просвещения» российских подданных, в соответствии с которой сверх общих для всех «гражданских прав» одни из них могли бы участвовать в процедуре выборов народных представителей, а другие — быть избранными помощниками верховной власти.

Приведенные примеры позволяют предположить, что встраивание заимствованных из чужой социокультурной среды социально-политических понятий происходило посредством использования хорошо известных, но не полностью тождественных по своему содержанию синонимов. При этом, как правило, политически нейтральные значения принимались без каких-либо изменений и были тождественны своему европейскому содержанию, а значения, резко контрастировавшие с привычными нормами, ценностями и стереотипами поведения, могли подвергаться корректировке. Такой алгоритм культурной адаптации в перспективе приведет к тому, что европейские идеи в России выражались в терминах предшествующей эпохи, значение которых было хорошо известно современникам и не требовало дополнительных пояснений [см: Ильин].

Исследование особенностей восприятия заимствованных понятий будет неполным без поиска ответа на вопрос о «проводниках» языковых инноваций. Неоднородность социальной структуры любого общества предопределяет важную закономерность процесса межкультурной коммуникации: заимствование происходит не всем социумом одновременно, а лишь его наиболее образованной или профессионально ориентированной частью. Как правило, на пути иноязычного заимствования стоит «специальный язык относительно небольшого числа интеллектуалов» [Маслов, с. 40], которые, впрочем, необязательно являются представителями одной социальной страны. Именно поэтому историк должен стремиться определить, *какие социальные группы были проводниками новых значений* и как они воспринимались другими современниками.

Критерием для выделения таких групп может являться высокая степень интеграции с «чужой» культурной средой, знание иностранного языка, способность трактовать и транслировать незнакомые значения заимствованных понятий. В соответствии с данным критерием целесообразно разделять группы: «полных билингвов», свободно владевших как минимум двумя языками; «неполных билингвов», способных понимать иностранные тексты, но думавших на своем родном языке; лиц, не владевших иностранными языками и воспринимавших языковые заимствования не напрямую, а опосредованно. При всей условности такого разделения, оно помогает объяснить отличия в трактовках одного и того же понятия в разных социальных средах.

В России Нового времени к группе «полных билингвов» можно отнести представителей дворянской элиты, которые получали образование за границей и выступали в качестве проводников европейской политической терминологии. Дальнейшее распространение заимствованных значений основных социально-политических понятий происходило в среде «неполных билингвов». Эта категория российских подданных включала в себя наиболее образованных представителей купечества, чиновников, офицеров и студентов. Большинство же

населения Российской империи имело низкий уровень образования и не могло адекватно воспринимать сложные, теоретически нагруженные концепты. В этой среде иноязычные заимствования не были востребованы и могли утрачивать свое первоначальное значение.

Указанная социальная и культурная неоднородность российского общества предопределяет недостаточность привлечения в рамках истории понятий произведений представителей одной социальной группы, а следовательно, и необходимость реализации принципа жанрового многообразия и спользуемых текстов. Источниками информации для историка могут быть: переводы произведений европейских авторов; законодательные акты, словари и учебные пособия; докладные записки; материалы периодической печати; проекты реформ и программные документы различных официальных и тайных обществ; материалы следствия и судебные постановления; мемуары, дневниковые записки; частная переписка и другие произведения. Такой комплексный подход к формированию источниковой основы исследования позволяет выявить различные оттенки социально-политических настроений, а также особенности трактовки политических принципов в различных социальных средах.

В совокупности, предлагаемый вариант применения методологических оснований истории понятий может стать эффективным инструментом исследования сложного и всегда внутренне противоречивого процесса модернизации. Комплексное использование в конкретно-историческом исследовании сравнительно-контекстуального метода, принципов системности и жанрового многообразия используемых текстов поможет понять глубинные причины того, что одни и те же идеи могли служить своеобразным катализатором, или, напротив, замедлять темпы социально-экономического и политического развития.

Артемяева Т. В., Бажанов В. А., Микешин М. И. Рецепция британской социально-философской мысли в России XVIII–XIX вв. СПб., 2006. 138 с. [Artem'eva T. V., Bazhanov V. A., Mikeshin M. I. Resepcija britanskoj social'no-filosofskoj mysli v Rossii XVIII–XIX vv. SPb., 2006. 138 s.]

Бёдекер Х. Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. ст. / под ред. Х. Э. Бёдекера ; пер. с нем. М., 2010а. С. 5–17. [Bjodeker H. Otrazhenie istoricheskoi semantiki v istoricheskoi kul'turologii // Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metafor : sb. st. / pod red. H. Je. Bjodekera ; per. s nem. M., 2010a. S. 5–17.]

Бёдекер Х. Размышление о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. ст. / под ред. Х. Э. Бёдекера ; пер. с нем. М., 2010б. С. 34–65. [Bjodeker H. Razmyshlenie o metode istorii ponjatij // Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metafor : sb. st. / pod red. H. Je. Bjodekera ; per. s nem. M., 2010b. S. 34–65.]

Бутовский И. Сравнение Крестовых походов с священной брагией текущего столетия // Сын Отечества. 1822. Ч. 75. № 1. С. 3–16. [Butovskij I. Sravnenie Krestovyh pohodov s svjashhennoju braniju tekushhego stoletija // Syn Otechestva. 1822. Ch. 75. № 1. S. 3–16.]

Взгляд на республику Соединенных Американских областей // Сын Отечества. 1814. Ч. 17. № 45. С. 253–270. [Vzgljad na respubliku Soedinennyh Amerikanskih oblastej // Syn Otechestva. 1814. Ch. 17. № 45. S. 253–270.]

Взгляд на состояние мануфактур в России и на законы к оным относящиеся с XVI столетия по 1814 год (продолжение) // Сын Отечества. 1822. Ч. 82. № 51. С. 193–206. [Vzgljad na sostojanie manufaktur v Rossii i na zakony k onym odnosjashiesja s XVI stoletija po 1814 god (prodolzhenie) // Syn Otechestva. 1822. Ch. 82. № 51. S. 193–206.]

Виноградов В. В. История слов. М., 1999. 1138 с. [Vinogradov V. V. Istorija slov. M., 1999. 1138 s.]
Выгоды свободной торговли // Архив государственного хозяйства. Ч. 1. 1816. С. 101. [Vygoty svobodnoj trgovli // Arhiv gosudarstvennogo hozjajstva. Ch. 1. 1816. S. 101.]

Государственное уложение Баварского королевства // Дух журналов. 1818. Ч. 31, ноябрь. С. 525–572. [Gosudarstvennoe ulozhenie Bavarskogo korolevstva // Duh zhurnalov. 1818. Ch. 31, nojabr'. S. 525–572.]

Государственное уложение Великого герцогства Баденского // Архив исторический и политический: из Духа журналов. СПб., 1818. С. 228–260. [Gosudarstvennoe ulozhenie Velikogo gercogstva Badenskogo // Arhiv istoricheskij i politicheskij: iz Duha zhurnalov. SPb., 1818. S. 228–260.]

Государственный устав Испанской Монархии // Вестник Европы. 1813. № 13. С. 48–67; № 14. С. 130–132. [Gosudarstvennyj ustav Ispanskoi Monarii // Vestnik Evropy. 1813. № 13. S. 48–67; № 14. S. 130–132.]

Джейкоб М. К. Массонство // Мир Просвещения : ист. слов. / под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 274–285. [Dzhejkob M. K. Massonstvo // Mir Prosveshhenija : ist. slov. / pod red. V. Ferrone i D. Rosh. M., 2003. S. 274–285.]

Дубина В. Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения «истории понятий» в России. Послесловие // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. ст. / под ред. Х. Э. Бёдекера ; пер. с нем. М., 2010. С. 298–320. [Dubina V. Iz Bilefel'da v Kembridzh i obratno: puti utverzhdenija «istorii ponjatij» v Rossii. Posleslovie // Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metafor : sb. st. / pod red. H. Je. Bjodekera ; per. s nem. M., 2010. S. 298–320.]

Известие о нынешнем состоянии республики Рагузы, писанное гражданином ея // Вестник Европы. 1802. Ч. 5. № 17. С. 59–67. [Izvestie o nyneshnem sostojanii respubliky Raguzy, pisannoe grazhdaninom eja // Vestnik Evropy. 1802. Ch. 5. № 17. S. 59–67.]

Ильин М. В. Умножение идеологий, или Проблема «переводимости» политического сознания // Полис. 1997. № 4. С. 78–87. [Il'in M. V. Umnozhenie ideologij, ili Problema «perevodimosti» politicheskogo soznanija // Polis. 1997. № 4. S. 78–87.]

Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отеч. зап. 2004а. № 5. С. 226–241. [Kozellek R. Mozhem li my rasporjazhat'sja istoriej? (Iz knigi «Proshedshee budushhee. K voprosu o semantike istoricheskogo vremeni») // Otech. zap. 2004a. № 5. S. 226–241.]

Козеллек Р. Теория и метод определения исторического времени // Логос : журнал по философии и прагматике культуры. 2004б. № 5 (44). С. 97–130. [Kozellek R. Teorija i metod opredelenija istoricheskogo vremeni // Logos : zhurnal po filosofii i pragmatike kul'tury. 2004b. № 5 (44). S. 97–130.]

Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века : сб. науч. работ. СПб., 2006. С. 33–53. [Kozellek R. Social'naja istorija i istorija ponjatij // Istoricheskie ponjatija i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka : sb. nauch. rabot. SPb., 2006. S. 33–53.]

Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. ст. / под ред. Х. Э. Бёдекера ; пер. с нем. М., 2010. С. 21–33. [Kozellek R. K voprosu o temporal'nyh strukturah v istoricheskom razvitii ponjatij // Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metafor : sb. st. / pod red. H. Je. Bjodekera ; per. s nem. M., 2010. S. 21–33.]

Конституционный проект Н. М. Муравьева // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX веков / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. М., 2010. С. 302–322. [Konstitucionnyj proekt N. M. Murav'eva // Konstitucionnye proekty v Rossii XVIII – nachala XX vekov / sost., avt vstup. st. i komment. A. N. Medushevskij. M., 2010. S. 302–322.]

Коросов Н. Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века : сб. науч. работ. СПб., 2006. (Источник. Историк. История: Вып. 5). С. 9–32. [Korosov N. E. Istorija ponjatij vchera i segodnja // Istoricheskie ponjatija i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka : sb. nauch. rabot. SPb., 2006. (Istochnik. Istorik. Istorija: Vyp. 5). S. 9–32.]

Кукольник В. Г. Российское частное гражданское право. Ч. 1. Изложение законов по предметам частного гражданского права, лицам, вещам и деяниям. СПб., 1815. [Kukol'nik V. G. Rossijskoe

chastnoe grazhdanskoje pravo. Ch. 1. Izlozhenie zakonov po predmetam chastnogo grazhdanskogo prava, licam, veshham i dejanijam. SPb., 1815.]

Магун А. Опыт и понятие революции // Новое лит. обозрение. 2003. № 64. С. 54–79. [Magun A. Opyt i ponjatije revoljucii // Novoe lit. obozrenie. 2003. № 64. S. 54–79.]

Маслов Б. П. «По закону языка нашего»: семантические заимствования как предмет истории понятий // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012. С. 39–57. [Maslov B. P. «Po zakonu jazyka nashego»: semanticheskie zaimstvovanija kak predmet istorii ponjatij // Jevoljucija ponjatij v svete istorii russkoj kul'tury. M., 2012. S. 39–57.]

Миллер А. И., Сдвижков Д. А., Ширле И. «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1. М., 2012. С. 5–46. [Miller A. I., Sdvizhkov D. A., Shirle I. «Ponjatija o Rossii»: k istoricheskoj semantike imperskogo perioda. Predislovie // «Ponjatija o Rossii»: k istoricheskoj semantike imperskogo perioda. T. 1. M., 2012. S. 5–46.]

О дипломатии // Сын Отечества. 1823. Ч. 88. № 38. С. 195–224. [O diplomacii // Syn Otechestva. 1823. Ch. 88. № 38. S. 195–224.]

О торговле древних и новых народов // Сын Отечества. 1821. Ч. 73. № 46. С. 254–267. [O torgovle drevnih i novyh narodov // Syn Otechestva. 1821. Ch. 73. № 46. S. 254–267.]

Одесский М. П. Вольнодумный тезариус декабристов. Révolution — революция — переворот — превращение // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы / отв. ред. О. И. Киянская. М., 2008. С. 494–502. [Odesskij M. P. Vol'nodumnyj tezarius dekabristov. Révolution — revoljucija — perevorot — prevrashhenie // Dekabristy: aktual'nye problemy i novye podhody / отв. ред. О. И. Kijanskaja. M., 2008. S. 494–502.]

Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи, издаваемые комиссиею составления законов. СПб., 1822. Т. 2. [Osnovaniya rossijskogo prava, izvlechennye iz sushhestvujushhix zakonov Rossijskoj imperii, izdavaemye komissiejju sostavlenija zakonov. SPb., 1822. T. 2.]

Остин Дж. Три способа пролить чернила. Философские работы. СПб., 2006. 335 с. [Ostin Dzh. Tri sposoba prolit' chernila. Filosofskie raboty. SPb., 2006. 335 s.]

Первые начала естественного права, изданные для руководства учащихся профессором Львом Цветаевым. М., 1816. [Pervye nachala estestvennogo prava, izdannye dlja rukovodstva uchashhihsja professorom L'vom Cvetaevym. M., 1816.]

Пестель П. И. Русская правда // Декабристы. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. О. И. Киянская. М., 2010. С. 59–189. [Pestel' P. I. Russkaja pravda // Dekabristy. Izbrannye trudy / sost., avt. vstup. st. i komment. O. I. Kijanskaja. M., 2010. S. 59–189.]

Плавинская Н. Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 281–286. [Plavinskaja N. Ju. Kak perevodili Monteske'e v Rossii? // Evropejskoe Prosveshhenie i civilizacija Rossii. M., 2004. S. 281–286.]

РГИА. Ф. 1166. Оп. 1. Т. XVI. Д. 2; Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 18/14. [RGIA. F. 1166. Op. 1. T. XVI. D. 2; F. 1167. Op. 1. T. XVI, 1826. D. 18/14.]

Роцин Е. История понятий: новый старый подход общественных наук // Полит. наука. 2009. № 4. С. 43–58. [Roshhin E. Istorija ponjatij: novyj staryj podhod obshhestvennyh nauk // Polit. nauka. 2009. № 4. S. 43–58.]

Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. [Semenova A. V. Vremennoe revoljucionnoe pravitel'stvo v planah dekabristov. M., 1982.]

Скиннер Кв. The State // Понятие государства в четырех языках : сб. ст. СПб., 2002. С. 12–74. [Skinner Kv. The State // Ponjatije gosudarstva v chetyreh jazykah : sb. st. SPb., 2002. S. 12–74.]

Скиннер Кв. Свобода до либерализма / пер. с англ. А. В. Магун; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб., 2006. [Skinner Kv. Svoboda do liberalizma / per. s angl. A. V. Magun; nauch. red. O. V. Harhordin. SPb., 2006.]

Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. 456 с. [Timofeev D. V. Evropejskie idei v social'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossijskogo poddannogo pervoj chetverti XIX veka. Cheljabinsk, 2011. 456 s.]

Хархордин О. История понятий как метод истории практик // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / отв. ред. В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. М., 2012. С. 7–23. [Harhordin O. Istorija ponjatij kak metod istorii praktik // Jevoljucija ponjatij v svete istorii russoj kul'tury / отв. red. V. M. Zhivov, Ju. V. Kagarlickij. M., 2012. S. 7–23.]

Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 2 : К–Н. СПб., 1804; Ч. 3 : О–Ф. СПб., 1806. [Janovskij N. Novyj slovotolkovatel', raspolozhennyj po alfavitu. Ch. 2 : K–N. SPb., 1804; Ch. 3 : O–F. SPb., 1806.]

Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972–1993. Bd. 1–8.

Роскок J. G. A. Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History. London, 1972.

Статья поступила в редакцию 06.06.2014 г.